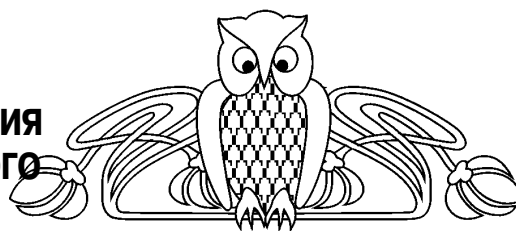

М., 1994. С. 151.

УДК 316.334:37

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Песегова

Поволжская академия государственной службы
E-mail: c_pesegova@mail.ru

Статья посвящена научной рефлексии проблемы социализации детей и молодежи в контексте социокультурной безопасности российского общества. Автор ориентирован на выявление повседневных контекстов общественного воспитания.

Ключевые слова: теоретико-методологические стратегии, социология повседневности, общественное воспитание, социализация.

Theoretical and Methodological and Applied Research Strategies of Social Upbringing and Education Daily Practice

E.V. Pesegova

The article is devoted to scientific reflection problem is children and youth socialization in the context of Russian society safety. The author is oriented toward revelation of social education daily contexts.

Key words: theoretical and methodological strategies, daily sociology, social education, socialization.

Проблематика социального негатива, последовавшего за радикальным преобразованием основания российской локальной цивилизации последнего десятилетия XX в., стала общим местом множества научных, публицистических и художественных произведений современности. Вопрос о безопасном будущем России сегодня, в истекающем первом десятилетии XXI в., – это не просто предмет научного интереса, но проблема гражданского общества. Более того, в России, как и в мире в целом, формируется особый тип общества, в котором риски и угрозы становятся социогенным фактором существования людей.

Взаимозависимость человека и общества, проблема справедливости и смысла жизни, пронизывающая отечественную социальную мысль в общем и социологию в частности, имеют давнюю традицию. Зависимость развития социологии в России от других отраслей общественнознания, религии и художественного творчества, массового сознания, от практики социальной жизни можно проследить на любом социальном феномене. Именно это обстоятельство, по всей видимости, традиционно обеспечивает российскую социологию оригинальными идеями и концепциями, влияющими на российское социогуманитарное знание.

На современном этапе существования социологической науки явственно проявляется тенденция к умножению теорий среднего уровня. «Отраслевой» характер исследований свидетельствует прежде всего о бурно растущем интересе не только к изучению общества как целостного организма, включающего основные макросоциологические структуры, но и к исследованию различных их элементов, то есть явлений экономической, социальной, политической, духовной сфер жизни. Общество стремится познать механизмы и тенденции собственного развития и обращается с этой целью к науке, выдвигая требование о конкретном анализе локальных социальных явлений и процессов.

Реагируя на соответствующие общественные потребности, социологическая наука в рамках отраслевой социологии реализует имеющийся у нее существенный ресурс, обращая особое внимание на специальное и углубленное изучение отдельных сфер, явлений и процессов. Этот научный интерес приводит и к более глубокому познанию общества, его конкретных практик с целью их совершенствования, и к развитию самого социологического знания, которое все более дифференцируется.

Любая отрасль социологического знания имеет свой предмет и объект исследования и представляет собой специальную систему знаний с установившимся категориальным аппаратом, операциональными дефинициями, специфическими методами теоретического и эмпирического исследования, принципами взаимосвязи с другими, смежными отраслями науки. В структуре отрасли социологии должно быть представлено и теоретическое, и эмпирическое, и прикладное знание.

При анализе проблематики социокультурной безопасности, социологии образования, социологии семьи и институциональных форм воспитания очевидной становится область, составляющая проблемное поле социализации посредством такого явления, как культура воспитания и образования и константных базовых ценностей. Россия на протяжении всей своей истории формировалась как государство, соприкасающееся с локальными социокультурными цивилизационными пространствами, находящимися на разных стадиях экономического и политического развития. Поэтому вопрос соотношения базовых ценностей отечественной культуры и унифицированного ев-

ропейского образовательного проекта диктует проведение разумной, взвешенной и стабилизирующей государственной политики в сфере образования, а также мобилизации профессионального сообщества на теоретико-методологические исследования глобальных, социетальных, духовных рисков и возможных способов их упреждения и/или ослабления. Феномен социализации, на наш взгляд, должен анализироваться не только в парадигме теорий среднего уровня, но и на уровне эстетической и нравственной компоненты, и что особенно важно, на микроуровне – уровне повседневности.

Повседневность рассматривается в разной интерпретации, но особое внимание, полагаем, должно уделяться моменту понимания того, что «повседневность» сложно поддается рефлексии. Повседневные социальные феномены – данность, предстająca как видимая, но не замечаемая на уровне обыденного сознания. Понятно, что человек в любой момент его повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, то есть в определенной им самим физической и социокультурной среде, в которой он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы – это также моральная и идеологическая позиция.

Мы убеждены, что современный российский социум сохранил некоторые базовые ценности, характерные для граждан страны на протяжении всего прошедшего XX в. Более того, по данным исследований РНИС и НП, во всех поколенческих группах и когортах, кроме самой первой (от 16 до 24 лет), число людей, отдающих предпочтение советским ценностям и нормам, является явно доминирующим. И самое главное, исследователи констатируют, что после 1998 г. сглаживается разрыв в позициях и ценностях между старшими и молодыми поколениями: вырастить «поколение пепси» и создать его руками «новую страну» – затея изначально утопическая, и следовательно, она успеха не имела. Поэтому авторы делают вывод достаточно определенный, что в ближайшие десять лет «советская тональность сознания россиян сохранится и будет в значительной степени определять характер их самоидентификации»¹.

Дополнительной иллюстрацией к сказанному являются результаты фокус-групп со студентами Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина, выбравшими своей будущей специальностью работу с молодежью². Респонденты единодушно во мнении, что портрет современных подростков в основной своей массе – как бездельно слоняющихся и склонных к девиациям: «бесполезно проводят время, лежат на диване, смотрят телевизор»; «матерятся»; «пьют, курят»; «им ничего не интересно».

Понятно, что участники фокус-групп строят свои представления о современных подростках не

столько на основе непосредственных контактов с ними, сколько исходя из различных социальных стереотипов. Справедливости ради отметим, что о своих младших родственниках, знакомых подростках и о «детях своего круга» опрашиваемые высказываются не столь критично.

Большинство участников фокус-группы считает, что в детской среде перечисленные «пороки» распространены в основном из-за того, что сейчас в стране плохо развита система социализации подрастающего поколения, мало детских организаций наподобие пионерской, секций, кружков внешкольного досуга и прочее: «будет финансироваться организация детского досуга, дети не будут употреблять те же наркотики, не будут сами как-то добывать деньги противозаконными путями»; «им, бедным, заняться нечем»; «все предоставлено себе, родителям некогда, государство не хочет»; «их досуг не организован ни взрослыми, ни государством»; «дети и подростки не могут заниматься спортом, ходить в театры и кино, словом, организовано проводить свой досуг, не только из-за отсутствия соответствующих организаций, но и по причине того, что финансовые возможности их родителей ограничены»; «даже бесплатные кружки и секции все равно требуют от родителей дополнительных финансовых вложений, что далеко не каждый может себе позволить»; «посещение бесплатное, а атрибутика, если фигурное катание – коньки, еще что-то, если борьба – кимоно и т. д., то есть все равно капитальные вложения нужны в любые занятия».

Участники фокус-групп были единодушны во мнении, что на государстве лежит обязанность обеспечить людям такой уровень жизни, чтобы они были в состоянии оплатить услуги подобных организаций, в том числе и негосударственных. Неудивительно, что при столь высокой степени неудовлетворенности современными социальными институтами, ответственными за социализацию подрастающего поколения, участники фокус-групп испытывают «ностальгию со слов старших» по соответствующим институтам советского прошлого.

Полагаем, что такой высокий уровень поддержки идеи возрождения советской системы общественного воспитания обусловлен не столько стремлением к реставрации советского прошлого, сколько существующей в нынешнем российском обществе острой потребностью в общедоступных структурах, организующих досуг не только подрастающего поколения, но представителей разных возрастных категорий.

Рассматривая теоретико-методологические основания и используя различные стратегии исследования как феномена социализации, так и проблем, связанных с эстетикой и идеологией общественного воспитания, мы оказались в двойной зависимости от научной рефлексии социологического интеллектуального пространства и мира повседневных общественных практик.

Чтобы свести воедино эти различные знания, следует, на наш взгляд, анализировать не отдельные виды общественных повседневных воспитательных практик в отрыве от общей совокупности, а пространство всех проявлений общественного воспитания как систему, каждый элемент которой получает свое значение.

Необходимо, по нашему мнению, установить связь пространства общественного воспитания с отображающимся в нем социальным пространством, чтобы избежать ошибок, связанных с установлением прямой связи, которую подсказывает обыденная интуиция, между проблематикой относительной бедности и социальными девиациями, присущими только одной или нескольким социальным группам, например мигрантам. Становится очевидным складывающееся сегодня особое отношение между флешмобом, «качалками», «эмо-плачем» и средним классом, стремящимся к черте бедности, или дайвингом и тому подобных – с экономической, политической и прочими элитами российского общества.

Социологическое видение проблемы позволяет выявить социально существенные свойства для установления родства между отдельными практиками общественного воспитания и интересами, вкусами, предпочтениями определенной социальной категории. Элементы, детерминирующие систему предпочтений, часто ассоциируются с социальной позицией, с первоначальным опытом социального мира и агентами первичной социализации.

Пространство разнообразных практик общественного воспитания – не замкнутый в себе мир. Оно включено и в мир всех уровней образовательных практик, и в мир потребления, в свою очередь, структурированный и конституированный в систему. Имеются все основания рассматривать проявление практик общественного воспитания как относительно автономное пространство, но не следует забывать, что оно является местом сил, приложимых не только к нему одному, то есть нельзя изучать феномен какого-либо общественного потребления независимо от досугового потребления, спроса на образовательные услуги в целом.

Например, досугово-воспитательные практики, регистрируемые статистическим анкетным опросом, могут быть описаны как результирующие отношения между спросом и предложением, точнее, между пространством предлагаемых в данный момент продуктов и пространством склонностей (ассоциирующихся с занимаемой позицией в социальном пространстве и способных отображаться в другом потреблении в связи с другим пространством предложения).

Дифференцированное распределение общественных воспитательных практик является результатом установления связи между двумя гомологичными пространствами – пространством возможных практик (предложением) и простран-

ством склонности к определенной практике (повседневным спросом).

Изучение повседневности, как уже отмечалось, сложно оснащено в методологическом отношении, так как невозможно обойти ни дисциплинарные порядки, ни «душевные структуры». Именно благодаря обращению к повседневности социология обретает действенные инструменты анализа, способность к пониманию и объяснению социальной реальности, оказывается востребованной для экспертизы и терапии не только институционализированных социальных связей и процессов, но и индивидуальных человеческих проблем.

Поведение, нормы, ценности тех или иных социально-статусных групп в лучшем случае представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти «странности» могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах. Повседневная жизнь – область микросоциологии, связанная с анализом практик, взаимодействия и культурной организации повседневной жизни, в ходе которого подвергаются критике анонимность, отчужденность и отдаленность от индивида формальных макроинститутов.

Теоретико-методологические стратегии исследования общественного воспитания и образования, на наш взгляд, должны включать в себя самые широкие традиции отечественной интеллектуальной практики. Русская дореволюционная социологическая мысль, не отрицая потребности в объективных методах, впервые подвергла это положение критике и полагала, что этого не достаточно.

Обоснование необходимости применения субъективного метода представлено в школе русской субъективной социологии П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева. Использование субъективного метода в социологии обосновывалось следующим образом: основная единица общества – не класс, группа или коллектив, а личность³.

На социальную деятельность личности влияют субъективные помыслы и цели, а не разные внешние факторы. Данные субъективные помыслы и цели не познаваемы объективными методами. Субъект познания (социолог) может изучать личность только используя принцип «сопереживания», когда, по словам Михайловского, наблюдатель ставит себя в положение наблюдаемого. Он должен дополнить свой личный опыт сочувственным опытом, то есть переживанием чужой жизни как своей, поставить себя на место другого. Михайловский писал: «...Мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не различится с ним, т.е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страдание, переплачет его слезами»⁴.

Среди современных концепций выделяется концепция габитуса П. Бурдьё, который предложил данное понятие для характеристики мира повседневности как системы определенных практик, выражающих основные предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей. Габитус определяет реакцию на реальность, организуя наши предпочтения в систему различий, структурирующих социальную реальность, и предстает как культурная организация повседневных практик, включающих вкус и эмоции⁵.

Социология повседневности занимается субъективным аспектом реальной практики отношений, которые количественная социология рассматривает как взаимодействие структур, социальных институтов и организаций (например, социализации и системы образования как социальных институтов: каковы их функции и отношения между ними в данном обществе). Из сказанного, однако, не следует, что социология повседневности совершенно чужда «большим теориям» или «большим нарративам». Плодотворной в теоретико-методологическом плане представляется научная позиция новейшей французской социологии повседневности, в частности идея инверсионной интерпретации повседневности М. Маффесоли⁶.

Исторический опыт свидетельствует, что в русской культуре воспитание и образование (высшая школа как сегмент этого феномена) сложились в самостоятельную социальную ценность. Российская специфика институционализации образования и воспитания заключается в том, что в обществе традиционно господствует убеждение, что Россия – это часть Европы и если таковой не является в настоящий момент, то по прошествии некоторого времени обязательно ею станет. Различные теоретико-методологические и прикладные стратегии исследования повседневных практик общественного воспитания и образования позволяют собрать и систематизировать богатый эмпирический материал, раскрывающий взаимоотношения государственной власти и образования, которые в России всегда были противоречивыми, полными драматизма.

На протяжении всей истории России общественное воспитание и образование кристаллизуются в особый тип культурного достояния русской цивилизации. Развитие системы образования в России – это процесс зарождения, становления, расцвета и упадка разных типов учебных заведений, череда сменяющих друг друга прогресса и регресса, это не однолинейный процесс, а история не только достижений, но и утрат.

В многонациональной обширной стране развитие образования протекало проблематично. В России практически отсутствовал какой-либо опыт организации народного образования, что усугублялось полным отсутствием единства в понимании целей просвещения в правящих кругах, а высшая школа в русском обществе на протяжении всей своей истории развивалась в чрезвычайно трудных условиях. Таким образом, можно утверждать, что специфичность динамики исторического развития общественного воспитания и образования в России демонстрирует неустойчивый модернизационный плеоназм образовательных идеологий в противоположность идеям классической системы образования.

Примечания

- ¹ *Королёв С.* Долгие проводы советской эпохи // НГ-Сценарии. 2001. № 1. С. 15.
- ² Саратов, сентябрь 2010 г.; участников – по 12 человек в 5 группах; N – 60.
- ³ См.: *Кареев Н.* Основы русской социологии. СПб., 1996.; *Лавров П.* Биография – исповедь 1885–1889. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965.
- ⁴ *Михайловский И.* Что такое прогресс? Пг., 1922. С. 84.
- ⁵ См.: *Бурдьё П.* Структура, габитус, практика. СПб, 2003; Практический смысл. М., 2001.
- ⁶ Инверсионная интерпретация повседневности вытекает из систематической переоценки реалий сегодняшнего общества, выразившейся в сознательном переходе от индивидуалистической парадигмы к парадигме социальной. См. подробнее: *Маффесоли М.* Околдованность мира, или Божественное социальное // Социологос. М., 1991. С. 133–137; *Фантастический мир каждого дня* // Художественный журнал. 1997. № 17. С. 14–16.